

В.В. Ивановский

**Вопросы государственного
социологии и политики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Ивановский**
Вопросы государственного управления, социологии и политики / В.В. Ивановский – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 402 с.

ISBN 978-5-458-13554-2

За последние пять-шесть лет в разных периодических изданиях печатались мои очерки по вопросам, относящимся, главным образом, к государственному управлению, политике и отчасти социологии. Имея в виду, что все эти вопросы находятся между собой в тесной связи, во всяком случае захватывают собой явления родственные, я решил издать мои очерки в отдельной книге.

ISBN 978-5-458-13554-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава первая.

Природа государства.

I.

Европейская государственная наука, зачатки которой слѣдуетъ искать еще въ трудахъ мыслителей и философовъ классическаго міра, пріобрѣтаетъ все большее и большее развитіе, какъ въ интенсивномъ, такъ и въ экстенсивномъ отношеніи. Проникая все болѣе и болѣе въ глубину явленій политической жизни, стремясь разрѣшить коренные вопросы политическаго бытія, она въ то-же время, и отчасти именно ради первой цѣли, развивается экстенсивно, захватывая въ сферу своихъ изслѣдованій все большее число объектовъ, какъ въ видѣ цѣльныхъ политическихъ организацій, такъ и въ видѣ отдѣльныхъ институтовъ и явленій государственной жизни, ускользавшихъ ранѣе отъ вниманія изслѣдователей. Такимъ образомъ, въ обладаніи государственной науки сконцентрировался, можно сказать, необъятный историко-сравнительный матеріалъ, на основаніи котораго изучены въ мельчайшихъ деталяхъ многія явленія политической структуры и ея жизни. Въ разработкѣ деталей, какъ въ отношеніи описательномъ, такъ и съ точки зрѣнія политики и права, между современною государственною наукою и наукою Платона и Аристотеля лежитъ неизмѣримая пропасть. Въ экстенсивномъ отношеніи государственная наука развилась съ тѣхъ поръ до колоссальныхъ размѣровъ; на всемъ земномъ шарѣ едва-ли найдется

хотя бы одно государство, которое не было бы еще занесено на страницы лѣтописей государственной науки, едва-ли даже отыщется хотя одинъ институтъ, учрежденіе, должность, или предметъ управленія, которыя не были бы всесторонне обследованы наукой. Въ одномъ государственная наука не сдѣлала, повидимому, ни одного шага впередъ, это въ уясненіи самой природы государства, въ простомъ даже опредѣленіи того, что такое государство. По крайней мѣрѣ, въ этомъ коренномъ пунктѣ между государствовѣдами всѣхъ временъ и народовъ никогда не существовало, какъ не существуетъ и въ настоящее время, необходимаго единства, при чемъ разница въ воззрѣніяхъ доходитъ нерѣдко до крайней противоположности и безусловной несовмѣстимости этихъ воззрѣній.

Такое безотрадное положеніе государственной науки въ отношеніи ея перваго и основнаго вопроса должно, конечно, имѣть свои причины: они заключаются, съ одной стороны, въ чрезмѣрной сложности вопроса, съ другой, въ неодинаковыхъ пріемахъ и методахъ научнаго изслѣдованія. Если подъ природой вещи или явленія мы будемъ разумѣть ея сущность, то, само собою понятно, что эта сущность не можетъ быть познана никакою наукой; для познаванія сущности вещей, ихъ конечныхъ причинъ и цѣлей, человѣческій умъ, какъ извѣстно, не приспособленъ. Поэтому, подъ природой каждой вещи и cadaго явленія слѣдуетъ разумѣть природу познаваемую т. е. единство тѣхъ познаваемыхъ признаковъ вещи или явленія, совокупность и взаимоотношеніе которыхъ всегда и вездѣ ихъ характеризуетъ въ отличіе отъ вещей съ иными признаками и иными взаимоотношеніями послѣднихъ.

Однако, даже и въ этомъ смыслѣ природа государства не легко опредѣляется; отдѣлить существенные признаки государства отъ несущественныхъ, въ особенности же установить то взаимоотношеніе между существенными признаками, благодаря которому государство, какъ явленіе, пріобрѣтаетъ въ нашемъ сознаніи характеръ единства, это, дѣйствительно, въ виду сложности изучаемаго явленія, одна изъ трудныхъ проблемъ государственной науки. Если уже индивидуальная жизнь въ природѣ представляетъ безграничное поле для научныхъ изысканій, ставить такія загадки, для научнаго рѣшенія которыхъ требуются цѣлыя столѣтія, то тѣмъ болѣе это

надо сказать о явленіяхъ жизни соціальной, въ частности политической, гдѣ человѣческія индивидуумы служатъ лишь элементами. Сложность такого научнаго объекта становится еще болѣе очевидною изъ того, что роль индивидуума въ въ государствѣ не исчерпывается вліяніями общей природы индивидуума, раскрываемой въ естествознаніи, но идетъ гораздо далѣе, выражаясь въ самостоятельномъ воздѣйствіи на общество и государство со стороны субъективныхъ свойствъ и силъ каждаго индивидуума.

Разногласіе въ воззрѣніяхъ ученыхъ на природу государства обусловливается, помимо сложности самого явленія, неодинаковыми приѣмами научнаго изслѣдованія, что опять-таки, въ свою очередь, объясняется, по крайней мѣрѣ отчасти, сложностью научнаго объекта. Такъ, въ виду этой сложности, ограничиваются опредѣленіемъ не природы государства вообще, а, напримѣръ, его юридической природы, или рассматриваютъ государство со стороны преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; одни изучаютъ государство какъ міровое явленіе, подчиненное въ своемъ существованіи и развитіи общимъ міровымъ законамъ, другіе, напротивъ, смотрятъ на него лишь съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, которымъ государство можетъ и должно удовлетворять, считая его результатомъ сознательной дѣятельности людей. Неодинаковость точекъ зрѣнія или исходныхъ пунктовъ порождаетъ неодинаковость методологическихъ приѣмовъ, а неодинаковость этихъ послѣднихъ приводитъ къ различнымъ и часто діаметрально противоположнымъ взглядамъ на природу государства. Замѣтимъ, однако, что во взглядахъ на природу государства, несмотря на все ихъ разнообразіе и отсутствіе единства, все же съ теченіемъ времени обнаруживается нѣкоторый прогрессъ, хотя бы въ видѣ, напримѣръ, окончательнаго устраненія старыхъ взглядовъ представителей теологическаго направленія, а равно представителей школы естественнаго права ¹⁾. Строго индивидуалистическое воззрѣніе на природу государства, по которому послѣднее есть результатъ договора между индивидуумами, также почти уже никѣмъ серьезно не отстаивается,

¹⁾ Изрѣдка можно еще и теперь встрѣтить представителей естественнаго права, хотя нѣсколько въ измѣненномъ видѣ. См. *Аффольтеръ*. Основныя черты общаго государственнаго права стр. 22 и слѣд.

хотя иногда и просвѣчиваетъ еще въ трудахъ французскихъ ученыхъ. въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что теологическая, натурь-философская и индивидуалистическая точки зрѣнія на природу государства не находятъ уже научныхъ представителей.

Классифицируя современные политическія теоріи, ихъ можно свести къ тремъ главнѣйшимъ видамъ: 1) органическая теорія; 2) юридическая и 3) реалистическая. Прежде чѣмъ высказать взглядъ объ этихъ теоріяхъ, мы не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія, касающагося того, что какъ ни космополитична, повидимому, наука, національный складъ ума все же обнаруживаетъ свое вліяніе; такъ, можно безошибочно сказать, что юридическая теорія нигдѣ не нашла для себя столь подготовленной почвы, какъ въ умахъ нѣмецкихъ государствовѣдцевъ; напротивъ, теорія органическая всего болѣе привилась у французовъ; реалистическая теорія, какъ это ни странно, находитъ пока лишь единичныхъ представителей.

Органическая теорія, несмотря на очевидную ея несостоятельность и полную бездоказательность, имѣетъ все-же видныхъ представителей, каковы Блунчли, Гирке, Шефле, Прейсъ, Спенсеръ, Піоже, Фулье, Греефъ и другіе. Одни изъ адептовъ этого направленія ограничиваются аналогіями и уподобленіями государства живому организму, другіе идутъ гораздо дальше, признавая общество и государство ¹⁾ настоящими организмами, только болѣе сложными, нежели организмы физическіе; если черты органической структуры и жизни слишкомъ еще неясно въ нихъ обнаруживаются, то это потому, что социальныя и политическія организмы находятся еще въ низшихъ стадіяхъ своего развитія и что въ будущемъ, правда, неопредѣленномъ, эти высшіе организмы разовьются и усовершенствуются, такъ что ихъ органичность будетъ вполне очевидною. Движущею естественною силой служить въ этомъ случаѣ органическая солидарность и чувство общности. „Общество, говоритъ Піоже, есть нѣчто большее, чѣмъ простой индивидуумъ; социальная жизнь отлична отъ жизни физиологической; это только новое приложение общаго

¹⁾ Батби признаетъ общество организмомъ, государство же организацией. См. его *Traité théorique et pratique de droit public*. 1835.

закона, по которому дифференціація и сложность свойств цѣлаго возрастаютъ пропорціонально возрастанію числа и отнесеній частей; эта сложность постепенно увеличивается съ переходомъ отъ физическаго къ химическому, отъ химическаго къ органическому и отъ органическаго къ соціальному¹⁾. Такимъ образомъ, общественный организмъ есть наиболѣе сложный, который поэтому можно назвать высшимъ организмомъ — *supergorganisme*. Организмъ есть только результатъ организаціи, т. е. взаимнаго воздѣйствія, приспособленія и солидарности элементовъ. Физическій организмъ не потому является организмомъ, что состоитъ изъ живыхъ анатомическихъ элементовъ, но потому, что между этими элементами существуетъ связь, взаимодѣйствіе и солидарность, т. е. именно то, что можно назвать организаціей; благодаря подобнаго же рода организаціи элементовъ, т. е. индивидуумовъ, организмомъ является и общество, а слѣдовательно и государство, какъ высшая форма общественной жизни.

Отсюда мы видимъ, что Пюже, а съ нимъ и многіе другіе современные ученые того же направленія, не ограничиваются уподобленіемъ общества живому организму, но считаютъ его настоящимъ живымъ организмомъ, только что высшей формаціи. Жизненное цѣлое всегда возникаетъ, благодаря опредѣленной связи элементовъ, его составляющихъ; въ неорганическомъ мірѣ химическая связь (*combinaison*), въ живомъ физическомъ существѣ органическая связь (*organisation*), въ соціальномъ цѣломъ — органическая солидарность (*socialisation*)²⁾.

Органическая теорія не только, какъ видимъ, не сходитъ со сцены, но пріобрѣтаетъ весьма виднымъ представителей, недовольствующихся поверхностными аналогіями, но возвышающихся до обобщенія всѣхъ міровыхъ явленій, до отысканія въ нихъ общей жизненной міровой идеи, до указанія общихъ законовъ, обнаруживающихъ свою силу во всемъ мірозданіи, и въ частности въ обществѣ и государствѣ. Если понимать организмъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ его понимаютъ представители органической теоріи, если къ сужденію объ этомъ организмѣ примѣнить философскую точку зрѣнія о

¹⁾ I. Pioger, *La vie sociale, la morale et le progrès* 1894 p. 30 et suiv.

²⁾ Альфредъ Фулье доходитъ до признанія договорнаго организма.

всеобщности мірового закона жизни, то вышеизложенныя воззрѣнія на общество и государство пріобрѣтають, дѣйствительно, характеръ стройности и послѣдовательности. Дѣло, однако, въ томъ, что въ обладаніи науки вовсе еще не находится достаточнаго числа данныхъ, чтобы утверждать дѣйствительность послѣдовательнаго развитія связующихъ началъ въ мірѣ неорганическомъ, органическомъ и социальномъ, утверждать послѣдовательный переходъ отъ соединенія въ организаціи, отъ организаціи къ социализаціи. Здѣсь даже и естественныя науки, несмотря на присущіе имъ сравнительно точныя методы изслѣдованія, не идутъ далѣе гипотезъ. Связь атомовъ въ неорганическомъ цѣломъ, организація живыхъ клѣточекъ въ физическомъ организмѣ, все это находится, въ значительной степени, въ состояніи гипотетическомъ; самыя ученія объ атомѣ и живой клѣточкѣ, не заставляютъ ли желать еще многого? Если же мы пойдемъ еще далѣе и будемъ утверждать, вмѣстѣ съ Пюже и его единомышленниками, что и общество состоитъ изъ социальныхъ атомовъ—индивидуумовъ, связуемыхъ началовъ социализаціи, то гипотетичность такого утвержденія становится еще болѣе очевидной, нежели въ двухъ первыхъ случаяхъ. Въ отношеніи мелкихъ общественныхъ соединеній, характеризующихся единствомъ физиологическаго происхожденія ихъ членовъ, органическая теорія можетъ еще имѣть нѣкоторое подобіе примѣненія, такъ какъ начало социализаціи имѣетъ здѣсь естественное, физиологическое происхожденіе, но въ отношеніи государствъ, состоящихъ нерѣдко изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, не только иногда не солидарныхъ, но и прямо враждебныхъ одно другому и связанныхъ лишь внѣшнею связью подчиненности одной власти, органическая теорія не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія. Органическая теорія подвергалась уже весьма обстоятельной критикѣ, по крайней мѣрѣ тѣ воззрѣнія, по которымъ общество уподобляется живому физическому организму; ¹⁾ поэтому намъ нѣтъ надобности опровергать ее еще

¹⁾ См. труды по государственной наукѣ: Зейделя, Герцфельдера, Линга и др.; изъ французскихъ ученыхъ укажемъ на Марселя Берне, см. его Programme d'un cours de Sociologie, въ Revue internationale de sociologie 1895. № 12; 1896, № 1. См. также X. S. Combotheca, L'Etat en tant qu'organisme, въ Revue du droit public, 1896, № 2.

разъ; вышепрѣдѣнныя соображенія намъ кажутся достаточными для указанія на несостоятельность органической теоріи и въ смыслѣ признанія общества организмомъ, т. е. организацией, обусловливаемой началомъ социализаціи.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію юридической теоріи.

Юридическая теорія, по числу своихъ приверженцевъ, является въ настоящее время господствующею. Эта теорія, какъ замѣчено уже выше, овладѣла, за очень немногими исключеніями, умами нѣмецкихъ ученыхъ. Ученые другихъ странъ далеко не склонны примыкать къ ней; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, теорія эта имѣетъ за себя большинство нѣмецкихъ государствѣдовъ. Не говоря о старинныхъ писателяхъ, Гегелерѣ, Герберѣ, Л. Штейнѣ и другихъ, юридической теоріи о государствѣ держатся современные нѣмецкіе государствѣды: Георгъ Мейеръ, Лябандъ, Генель, Шульце, Ульбрихъ, Еллинекъ и др.

Мы называемъ эту теорію юридическою потому, что въ ней государство разсматривается исключительно съ юридической точки зрѣнія, изучается не вообще природа государства, но его юридическая природа. Эта теорія называется также личною на томъ основаніи, что по воззрѣніямъ вышеуказанныхъ ученыхъ государство есть юридическая личность, т. е. такая коллективная личность, которая можетъ быть субъектомъ правъ, имѣетъ волю и можетъ при помощи опредѣленныхъ органовъ обнаруживать эту волю такъ же, какъ обнаруживаютъ ее и всѣ другія личности. Государственной волѣ подчиняются всѣ индивидуумы, входящіе въ составъ государства. Вотъ то общее, что признаютъ всѣ представители юридической теоріи. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя характерныя положенія, высказываемыя тѣми или другими отдѣльными представителями этой школы. Такъ, Георгъ Мейеръ, между прочимъ, заявляетъ: государство есть личность; право господства принадлежитъ именно самому государству, но не носителю верховной власти (Herrscher). Однако, въ виду того, что государство есть абстракція, необходимо, чтобы принадлежащія ему права осуществляли физическія лица. Носитель государственной власти, это то лицо физическое или коллективное, которому, по его собственному праву, принадлежитъ государственная власть.¹⁾ Лябандъ заявляетъ

¹⁾ *G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes 1895. S. 2—15.*

въ томъ же духѣ, что государство есть идеальная личность; это персонификація народнаго общенія, это юридическая организація народа; субъектомъ государственной власти является само государство; оно имѣетъ собственное право господства и собственную волю для того, чтобы господствовать ¹⁾. По выраженію О. Мейера государство есть нравственная личность, національный индивидуумъ ²⁾. По мнѣнію Еллинека, „государство есть господствующая организація осѣдлаго народа, имѣющая могущественную волю. Существеннымъ признакомъ государства является господство надъ людьми, связанными благодаря организаціи въ народное общеніе. Господствовать значить отдавать безусловныя повелѣнія, находящія, свое основаніе и границы только въ свободномъ рѣшеніи повелѣвающего. Государство есть личность, потому что имѣетъ единую волю; эта личность не какойнибудь вымыселъ; она существуетъ такъ же, какъ и каждое лицо; но лицо—это не физическій индивидуумъ; это абстракція; лицо обозначаетъ способность къ единому, постоянному и разумному хотѣнію; такое лицо можетъ существовать не только какъ физическая личность, но и какъ искусственно созданная людьми организація; такая организація или коллективное единство становится лицомъ, благодаря наличности самостоятельныхъ волевыхъ органовъ. Государственная воля есть государственная власть ³⁾. Таковы, въ самомъ сжатомъ видѣ, основныя воззрѣнія представителей юридической теоріи на природу государства.

Достаточно самага поверхностнаго ознакомленія съ этой теоріей, чтобы видѣть, въ чемъ заключается ея полная несостоятельность. Приверженцы юридической теоріи опредѣляютъ природу не дѣйствительно существующаго государства, но ими самими придуманнаго въ видахъ удовлетворенія чисто практическимъ соображеніямъ. Имъ непременно понадобилось, чтобы государство было субъектомъ правъ и чтобы само же оно могло и осуществлять эти права; для этого назвали его личностью и приписали ему волю. Для всякаго непреду-

¹⁾ P. Laband. Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 1895. I. 50—85.

²⁾ O. Meyer, Einleitung in das deutsche Staatsrecht. 1861. S. 1—9.

³⁾ G. Jellinek. Gesetz und Verordnung. 1887. S. 188—205.

объденнаго ума должно быть совершенно очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самою безнадежною фикціей, однако очень удобною для разнаго рода юридическихъ выводовъ и построений. Если государство, какъ общественный союзъ, есть личность и имѣетъ волю, и если эта личность не то же, что физическая личность, то, очевидно, что и воля этой личности не то, что воля физическаго индивидуума; однако же волю, какъ свойство „хотѣть“, имѣетъ только физическая личность; значить, воля государства, какъ личности идеальной, юридической должна характеризоваться какими либо иными чертами, а главное, такой личности не можетъ быть присуще свойство „хотѣнія“; представители юридической теоріи имѣютъ въ виду, однако, настоящую волю, которою надѣлены индивидуумы, т. е. способность хотѣть. Еллинекъ прямо заявляетъ, что государственная воля это воля, хотя и представляемая физическими лицами, но въ то-же время отъ нихъ отдѣльная и сплоченная въ самостоятельное единство ¹⁾). Подобнаго рода заявленія имѣютъ чисто метафизическій характеръ; волю физическихъ лицъ, какъ способность хотѣть, нельзя отъ нихъ отдѣлить и сплотить во что-то еще особое и самостоятельное, т. е. независимое отъ самихъ физическихъ лицъ. Еллинекъ, какъ видимъ, думаетъ иначе; если физическому лицу дано свойство хотѣть самою природой, то государству это свойство могутъ дать люди искусственно; само по себѣ государство, какъ абстракція, какъ коллективная личность, физически хотѣть не можетъ, но это не бѣда, за него могутъ хотѣть люди, потому что люди могутъ хотѣть не только отъ себя, но и за другихъ, если эти послѣдніе лишены способности хотѣть: такое хотѣніе или обнаруженіе воли за многихъ связываетъ этихъ многихъ въ волеспособное единство.

Такимъ образомъ происходитъ по истинѣ чудесная метаморфоза; неволеспособное становится волеспособнымъ; чего не дала природа, то даютъ юристы. Если бы существовала только одна точка зрѣнія юридическая, то подобнаго рода метаморфозы не возбуждали бы, пожалуй, ни въ комъ удивленія; есть, однако, и другія точки зрѣнія, какъ напр., логическая и историческая, которыя при сужденіи о природѣ государства также не должны быть игнорируемы; предста-

¹⁾ Gesetz und Verordnung. S. 194.

вители юридической школы говорятъ, что они изучаютъ государство только въ юридическомъ отношеніи; законы логики должны быть, однако, и для юристовъ тѣ-же, что и для другихъ; поэтому Еллинекъ, а съ нимъ и всѣ его единомышленники, нарушаютъ эти законы, если заявляютъ, что „тамъ, гдѣ нѣтъ на лицо волеспособнаго индивидуума, воля другаго, можетъ начать и продолжать за него хотѣть“¹⁾. Очевидно, съ этой точки зрѣнія, и вопреки законамъ природы и нашего мышленія, хотѣть можетъ все, что угодно: луна не волеспособна, но ничего не стоитъ сдѣлать ее волеспособной; стоитъ только начать и продолжать хотѣть вмѣсто нея. Однако же, въ силу законовъ логики, нельзя хотѣть за того, кто самъ не можетъ хотѣть. Чтобы за кого-либо хотѣть, надо, чтобы тотъ, за кого хотятъ, самъ выразилъ волю о томъ, чтобы за него хотѣли; но такъ какъ неволеспособный предметъ не можетъ выразить своей воли, то, очевидно, и хотѣть за него нельзя. Всякій, кто заявляетъ, что онъ обнаруживаетъ волю за другаго неволеспособнаго, въ дѣйствительности обнаруживаетъ волю только свою. Таковы, по крайней мѣрѣ, законы элементарной логики. Отсюда слѣдуетъ, что заявленіе, будто бы неволеспособное государство дѣлается волеспособнымъ на томъ основаніи, что вмѣсто него обнаруживаютъ волю люди, противорѣчитъ законамъ нашего мышленія и потому неправильно.

Представители юридической школы, чтобы отстоять свою теорію, выдвигаютъ также ученіе о цѣляхъ, въ виду достиженія которыхъ въ практической жизни необходимо совокупностямъ лицъ или предметовъ приписывать свойства единства и волеспособности.

Если совокупность лицъ желаетъ преслѣдовать одну какую-либо цѣль не какъ собраніе индивидуумовъ, но какъ единое цѣлое, то практически это осуществимо въ томъ только случаѣ, если вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ лицъ обнаруживается одна воля физическаго лица или согласная воля нѣсколькихъ физическихъ лицъ; это и будетъ волевой органъ всей совокупности лицъ. Конечно, невозможно отрицать, что общія цѣли объединяютъ людей въ компактные группы, въ единства, какъ принято выражаться на юридическомъ языкѣ;

¹⁾ Gesetz und Verordnung. S. 193.